

Пробыв у Истинного владыки Сюаньцина около получаса, Ань Шаоцин и Фэн Бэйцэ стали прощаться. Даос упомянул, что перед дальней дорогой нужно подготовить всё необходимое, и уже отправил своего юного ученика за покупками. Из поместья принца-регента в помощь юноше выделили Мо Линя — тот должен был приглядеть, чтобы приезжий не заплутал на шумных столичных улицах. Всё, что они купят, пригодится Ань Цзыяню в пути.

Вернувшись в жилые покои, супруги направились в спальню старшего сына. Стоило им переступить порог, как до них донёсся негромкий разговор: Цыпин увлечённо что-то рассказывал, а Цзыянь, полулёжа на постели, внимательно слушал брата, время от времени кротко и безмятежно улыбаясь. Словно предчувствуя, что уже завтра ему придётся покинуть родной дом и уехать далеко от столицы, юноша ловил каждое мгновение, проведённое со своей семьёй. Родные платили ему тем же: повинаясь молчаливому согласию, никто не заговаривал о скорой разлуке, боясь ненароком растравить едва утихшую боль.

Пусть это не было расставанием навеки, расходиться после стольких лет совместной жизни всегда тяжело. Но страшнее всего — уезжать без надежды на скорое возвращение. Никто не знал, когда Цзыянь сможет вновь обнять близких. И всё же тоска отступала перед робкой надеждой: если это путешествие подарит юноше исцеление, значит, всё не напрасно.

— Отец-ван, вы вернулись? — слабо улынулся лежащий в постели Цзыянь. — Простите, что не могу подняться и поприветствовать вас как подобает.

Услышав слова брата, Цыпин обернулся, поспешно поднялся на ноги и почтительно поклонился обоим отцам.

— Оставь условности, дитя, — Ань Шаоцин подошёл ближе и сел на место старшего сына. Цзыянь и Фэн Бэйцэ послушно отступили назад, встав за его спиной. — Как ты себя чувствуешь?

— Намного лучше, — тихо отозвался Цзыянь, благодарно улынувшись. — Чудодейственное лекарство почтенного мастера творит настоящие чудеса.

Однако, несмотря на его слова, лицо юноши по-прежнему оставалось болезненно-бледным, почти прозрачным.

— Когда прибудешь на гору Небесного Духа, береги себя, — принц-регент нежно отвёл со лба сына несколько выбившихся прядей.

Он ведь обещал себе не касаться темы скорого отъезда, но слова сорвались с губ сами собой. В спальне мгновенно воцарилась тяжёлая, давящая тишина. Все молча опустили глаза, не в силах совладать со щемящей грустью.

Спустя минуту Фэн Бэйцэ присел на край постели и заботливо подоткнул Цзыяню одеяло. Стояла середина лета, зной плавил столичные улицы, но даже эта удушливая жара не могла

изгнать ледяной холод, сковавший тело его первенца.

— Болезнь Янь-эра наконец отступит, и это великое счастье, — мягко произнёс Фэн Бэйцэ, пытаясь разогнать уныние. — Зачем же мы предаёмся печали в такой день?

Его слова прозвучали настолько разумно и тепло, что тучи над постелью больного разом рассеялись, вернув всем присутствующим лёгкость духа.

Весь вечер они провели в спальне Цзыяня за тихими разговорами, здесь же и поужинали. Истинный владыка Сюаньцин заглянул на минуту, но, поняв, как важны для них эти часы, деликатно удалился, оставив семью наедине. Беседа затянулась почти до полуночи. Наконец, помня о том, что больному вредно бодрствовать допоздна, Цыпина отправили спать. Ань Шаоцин и Фэн Бэйцэ остались у постели старшего сына — это была их последняя ночь вместе перед долгой разлукой.

Глядя на безмятежно спящего Цзыяня, Фэн Бэйцэ почувствовал, как к горлу подступает комок. Ань Шаоцин, прекрасно понимавший чувства супруга, нежно притянул его к себе и устроил его голову у себя на плече, ласково поглаживая по спине.

— Как же я жалею, что не был к нему добрее раньше, — шёпотом, сдерживая рыдания, заговорил Фэн Бэйцэ. — Ведь знал же, что он так слаб, но почти не дарил ему тепла. Мне казалось, что если я отдам все силы воспитанию Пин-эра, то выполню свой отцовский долг... Но когда лекари объявили, что Янь-эр угасает, моё сердце чуть не разорвалось от раскаяния. Он ведь ещё совсем ребёнок, а ему пришлось...

Не выдержав нахлынувших чувств, он тихо заплакал. Все те дни, пока Ань Шаоцин был в отъезде, Фэн Бэйцэ проводил у постели больного сына, молча глотая слёзы и изнывая от чувства вины.

— Разве плохой отец смог бы вырастить таких замечательных сыновей? — нежно шепнул в ответ Ань Шаоцин. — К тому же мы ведь давно договорились: ты берешь на себя заботу о Пин-эре, а я присматриваю за Янь-эром. Полно изводить себя, на всё воля неба. Нашему сыну уже пятнадцать, он совсем взрослый. Он умный, послушный мальчик и никогда не станет держать на тебя обиду.

— Я всё это понимаю умом, но на душе всё равно беспокойно, — Фэн Бэйцэ судорожно вздохнул. — Я подарил ему жизнь, но не сумел окружить должной заботой. Моя вина перед ним слишком велика.

— Неужели ты забыл, как тяжело он тебе дался? — мягко возразил Ань Шаоцин. — Ты ведь едва не расстался с жизнью, когда производил его на свет. Ты был готов пожертвовать собой ради его спасения — разве это не высшее проявление родительской любви? Если в твоём сердце и осталась недосказанность, у тебя ещё будет уйма времени восполнить это, когда он вернётся окрепшим. А нынешними слезами делу не поможешь.

Столько лет прошло, а Ань Шаоциню до сих пор было невыносимо видеть слёзы любимого. Он вспомнил былые времена: как бы жестоко он ни ранил Фэн Бэйцэ в прошлом, тот ни разу не проронил ни слезинки в его присутствии. Но стоило возникнуть угрозе потерять ещё не рождённого первенца, как Бэйцэ лишился сна, мучимый кошмарами, и каждое утро встречал с опухшими от слёз глазами. Разве это не доказывало его безграничную любовь к сыну? Он просто слишком строг к себе и не замечает очевидного.

После этих слов в комнате воцарилось молчание. Супруги не хотели тревожить чуткий сон Цзыяня, да и все нужные слова уже были сказаны. Вскоре Фэн Бэйцэ, измотанный бессонными ночами у постели больного, обессиленно закрыл глаза и уснул прямо на плече мужа.

Понимая, что в таком положении у Бэйцэ быстро затечёт тело, Ань Шаоцинь бережно подхватил его на руки и уложил на кровать рядом с сыном. Пусть поспят вместе — это хоть немного утишит его душевную боль. Сам принц-регент устроился на краю ложа и до самого рассвета любовался невероятно похожими лицами мужа и сына, с теплотой улыбаясь своим мыслям.

День отъезда

Утро разлуки наступило неумолимо быстро. Наскоро позавтракав, Фэн Бэйцэ и Цзыпин помогли Цзыяню одеться, после чего Ань Шаоцинь на руках перенёс его в дорожный экипаж. У ворот поместья принца-регента собралась толпа столичных жителей, пожелавших проводить молодого господина.

Горожане давно знали, что у принца-регента двое сыновей. Однако на улицах чаще видели младшего, рождённого вне стен дворца, тогда как законный наследник почти никогда не покидал своих покоев. В народе шептались, будто молодой господин невероятно слаб здоровьем и едва держится за жизнь. Люди сокрушались: повезло же мальчишке родиться в столь знатной и богатой семье; появившись он на свет у простых крестьян, его бы давно унёс холодный зимний ветер или растерзали бродячие псы на погосте.

Ань Шаоцинь устроил старшего сына на мягких подушках внутри экипажа, туда же забрался и Цзыпин, желая провести с братом последние минуты. Вскоре Истинный владыка Сюаньцин и его юный помощник заняли свои места на козлах, и повозка медленно покатилась прочь от поместья. Ань Шаоцинь и Фэн Бэйцэ ехали следом верхом на одном скакуне.

Узнав от стражников, что наследник отправляется на гору Небесного Духа для исцеления, толпа двинулась следом. Семья принца-регента сделала немало добра для простых людей, и те посчитали своим долгом проводить юношу добрым словом. В толпе шептались, что боги наконец воздали регенту за его добродетель: праведному человеку — щедрая награда, пусть и пришлось её долго ждать.

Павильон Десяти Ли

У Павильона Десяти Ли на окраине столицы процессия остановилась. Фэн Бэйцэ и Ань Шаоцинь спешили и подошли к экипажу. Дверца отворилась, и на землю спустился притихший Цзыпин.

— Брат, береги себя, — с трудом сдерживая дрожь в голосе, произнёс Цзыпин. — Я буду ждать тебя дома. А когда вернёшься, обязательно расскажешь мне, какая она — гора Небесного Духа.

Младший брат и сам всей душой мечтал увидеть легендарную обитель, которую в народе величали земным раем и прибежищем бессмертных. Увы, ему вряд ли когда-либо доведётся там побывать. И пусть Цзыянь отправлялся туда ради спасения собственной жизни, Цзыпин не мог не испытывать к нему лёгкой, почти детской зависти.

— Истинный владыка Сюаньцин, вверяю вам заботу о моём сыне, — обратился к даосу Фэн Бэйцэ. — Янь-эр, думай только об исцелении. Мы с твоим отцом-ваном и братом будем ждать твоего возвращения в столице.

Фэн Бэйцэ всю ночь мысленно подбирал слова прощания, но сейчас, глядя на сына, почувствовал, что язык точно прирос к гортани. Проснувшись утром бок о бок с первенцем, он ощутил такое щемящее тепло, какого не испытывал даже тогда, когда впервые взял крошечного Цзыяня на руки. Это утро у постели больного залечило старую рану в его душе, заполнив пустоту, что мучила его долгие годы.

— Я верю, что Истинный владыка Сюаньцин вернёт мне здоровье, — слабо улыбнулся Цзыянь. — Пин-эр, обещаю слушаться отцов и не прогуливать уроки у наставника. Будь прилежен. Отец-ван, береги папу. У него даже летом мёрзнут руки и ноги, не позволяй ему есть слишком холодную пищу в жару. Пожалуйста, берегите себя.

Цзыянь прекрасно знал об особенностях здоровья папы — этот недуг остался у Фэн Бэйцэ после тех самых тяжёлых родов. Но на сердце у юноши всё равно было беспокойно. За всю свою жизнь он не сделал и шага за пределы родного поместья, а теперь его отправляли в неведомую даль на неопределённый срок. Вокруг будут лишь незнакомые люди и чужие стены. Страх липкими пальцами сжимал его горло, и, как бы он ни убеждал себя, что даос и его молчаливый ученик — добрые люди, совладать с этой внутренней тревогой Цзыянь не мог.

Услышав заботливые наставления сына, Фэн Бэйцэ порывисто опустил плотную занавесь экипажа и отвернулся. Он чувствовал, что если посмотрит на Цзыяня ещё раз, то бросит всё и уедет вместе с ним.

— На этом мы прощаемся. Истинный владыка Сюаньцин, вся надежда на вас, — Ань Шаоцинь почтительно поклонился даосу, сложив руки в приветственном жесте.

— Полно вам, ванъе, — благожелательно отозвался старец. — Можете быть спокойны, я сделаю

всё, чтобы вернуть наследнику здоровье. Время не ждёт: если не тронемся прямо сейчас, не успеем добраться до следующей почтовой станции до заката. В добрый час!

Сюаньцин ответил поклоном, взобрался на козлы и взмахнул вожжами. Экипаж тронулся с места.

Оставшиеся трое ещё долго стояли на обочине дороги, провожая взглядом удаляющийся экипаж, пока тот окончательно не растворился в дорожной пыли.

Фэн Бэйцэ припал к груди супруга, не в силах сдержать рыдания. За последние дни он выплакал, казалось, все слёзы, но сейчас его горе вырвалось наружу с новой, неукротимой силой. Ань Шаоцин чувствовал, как всем телом дрожит его любимый, сотрясаясь от плача.

— Полно, милый, не плачь, — тихо уговаривал его регент, ласково прижимая к себе. — Янь-эр обязательно вернётся. Поправится и вернётся домой, вот увидишь.

Страшно было подумать, что случилось бы с Бэйцэ, не вернись Шаоцин вовремя в столицу — бедняга наверняка извёл бы себя слезами до полусмерти.

С помощью мужа и младшего сына Фэн Бэйцэ поднялся в седло. Ань Шаоцин устроился позади, крепко обняв его за талию одной рукой, а другой перехватив поводья. Цзыпин звонко свистнул, подзывая своего белоснежного скакуна. Как только юноша вскочил в седло, все трое пустили коней в галоп, направляясь обратно к столичным воротам.

<http://bllate.org/book/18341/1768600>